

INSPIRIA

ЦВЕТЫ МОЛНИИ

ДЖЕЙ ТОДД СКОТТ

INSPIRIA

Джей Тодд Скотт

Цветы молнии

Серия «Ток. Внутри убийцы.
Триллеры о психологах-профайлерах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74198896

Цветы молнии: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-250117-3

Аннотация

Роман – финалист международной премии International Thriller Writers Award.

Автор – бывший агент ФБР.

Серийный убийца охотится за выжившими после удара молнии.

Семь лет назад школьную учительницу Энди ударила молния – и она выжила. Но на коже остались шрамы, похожие на ветви мифического дерева Иггдрасиль. С тех пор ее мучают вспышки света, провалы в памяти и ощущение, будто в тот роковой день в ней что-то сломалось. Чтобы сбежать от непогоды, она переезжает в сухую и солнечную пустыню Аризоны, надеясь оставить прошлое позади.

И именно тогда по всей стране начинают находить тела женщин, на коже которых те же следы электрического разряда. Жуткие рисунки журналисты называют «цветами молнии».

За расследование берутся бывшие агенты ФБР Линнея Рен и Адан Рио. Чем глубже они погружаются в дело, тем очевиднее становится: убийца выбирает своих жертв не случайно. Он ищет выживших.

Пока детективы пытаются вычислить убийцу, Энди понимает: она – следующая мишень.

ЕЕ «ЦВЕТЫ МОЛНИИ» – ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ...

«Дж. Тодд Скотт – нечто стоящее». – Майкл Макгэррити, автор бестселлеров New York Times

«Отлично написано». – New York Journal of Books

«Затягивает, как лучший криминальный сериал». – Newsweek

«Новый мощный голос в современной западной криминальной литературе». – Крейг Джонсон, автор бестселлеров New York Times

«Скотт прекрасно пишет, продумывая интригующие сцены, о которых мечтают те, кто сосредоточен только на острых ощущениях. Но терпеливые читатели поймут и оценят "финал" Скотта». – Booklist

Содержание

Гром средь ясного неба	9
Часть первая	20
Глава 1	20
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джей Тодд Скотт

Цветы молнии

J. Todd Scott

SCAR THE SKY

Copyright © 2025 by Jeffrey Todd Scott All rights reserved.

© 2025 by Jeffrey Todd Scott All rights reserved

© Патрина А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ДЖЕЙ ТОДД СКОТТ

ЦВЕТЫ МОЛНИИ

INSPIRIA

Москва

Посвящается Дельсии
Добро пожаловать домой...

Вопреки расхожему мифу, молния может дважды ударить – и ударяет – в одно и то же место.

National Geographic

Гром среди ясного неба

На небе нет ни облачка, а в Энди Эллис вдруг ударяет смертоносный разряд молнии.

В десяти милях от Дюпона, в Баррентоне, идет мелкий дождь, из-за тяжелых свинцово-серых туч, обложивших все небо и плывущих на запад, почти не пробивается свет. Зато в Дюпоне, где рядом с полем для хоккея на траве стоит Энди, совсем ясно, и в зенит вошло жаркое августовское солнце, такое яркое, что без темных очков никак.

Голубые глаза прячутся за новыми стильными очками в роговой оправе и с бутылочно-зелеными стеклами, а сама Энди улыбается и смеется, хотя ее мучает легкое похмелье после вчерашнего забега по барам: спонтанно решили отпраздновать ее день рождения. Ей исполнилось двадцать шесть.

Вместе с Джойс Мадрас, лучшей подругой и тоже учительницей, она смотрит хоккей на траве: играет женская команда Дюпонской старшей школы. Энди шутит, причем отнюдь не безобидно, о другом коллеге, чудаковатом Максе Конрое, которого недавно наняли на освободившееся место... И тут ее сердце пронзает разряд молнии: шириной в дюйм, скоростью 186 000 миль в секунду и температурой больше

55 000 градусов по Фаренгейту¹ – жарче палящего солнца.

Джойс позже скажет, что несколько мгновений – секунды две-три, не больше – изнутри Одри Энн Эллис пробивалось жуткое черное сияние.

Саму Джойс отбрасывает на четыре фута – волосы дымятся, кожу щиплет, в ушах звенит.

Почти всю одежду Энди – футболку с рок-группой *Halestorm* и шорты цвета хаки – разрывает прямо на ней, а айфон в заднем кармане сплавляется в бугристый комок из пластика, кремния и ионизированного стекла. Новенькие очки с хрустом ломаются, слетают с головы, а линзы покрываются сетью мелких трещинок. Стекло старых дедушкиных часов, в которых тот летал над Ханоем, разбивается; стрелки бегут назад и замирают на двадцати девяти минутах третьего.

Разряд отшвыривает Энди в сторону, словно куклу; она падает и долго-долго неподвижно лежит ничком. Болельщики начинают истошно вопить и разбегаются врассыпную.

Один лишь Макс, чудаковатый учитель математики, только-только пришедший работать в Дюпон, несется к Энди. По слухам, в армии он научился делать непрямой массаж сердца. Руки дрожат, но он с силой надавливает на голую пепельно-серую грудную клетку Энди, где по коже расходятся красноватые фигуры Лихтенберга² – ожоги, тонкие ветвящиеся

¹ Больше 30 500 °С. – Здесь и далее – прим. пер., если не указано иное.

² Ветвистые узоры на поверхностях диэлектриков (например, дерево), обнару-

линии, напоминающие крону дерева.

На то, чтобы вернуть Энди с того света, Макс тратит две минуты двадцать девять секунд.

Наконец она выкашливает плотный кровавый комок пепла и дыма, сердце неохотно запускается, как двигатель старой колымаги, и в этот момент приезжает скорая. Под колесами гибнут брошенные стаканчики из-под напитков, солнечные очки и складные стулья.

Пока машина останавливается, Макс успевает стянуть с себя футболку, чтобы прикрыть голую Энди, и теперь держит девушку за трясущуюся руку.

* * *

Энди почти ничего не помнит, что происходило с ней сразу после «того случая», как его теперь называют, а о том немногом, что помнит, не хочет говорить.

Черный свет... непроглядный черный свет, словно умирающее темное солнце в сердце.

Проявляются все ожидаемые симптомы: боль и головокружение, слабость и судороги, постоянный шум в ушах, причем такой сильный, что заглушает даже свежие песни *Halestorm*, включенные на полную громкость, – ощущение, как будто звуки пробиваются через вату. Энди почти не спит и не может надолго сосредоточиться, а когда закрывает гла-

за, видит черно-белые вспышки, словно ее постоянно снимают на старую фотокамеру. Вспышки – как далекие молнии, мерцающие сквозь толщу облаков в жаркий день.

Черный свет.

Когда дотрагиваешься до кожи, она кажется скользкой, блестящей и неестественно натянутой, будто чужая. Сердце тоже ведет себя странно, словно бьется не в такт с окружающим миром.

В темноте и тишине квартиры Энди сидит в одиночестве и перебирает обуглившуюся, превратившуюся в лохмотья одежду, осторожно прикасаясь к сплавленным комкам, которые раньше были айфоном и дедушкиными часами – те навсегда замерли на двадцати девяти минутах третьего.

Она часто стоит обнаженная перед зеркалом в ванной, разглядывая шрамы от ожогов, разбегающиеся кружевной паутиной от изящного изгиба левой груди вниз, по всему телу. Энди проводит руками по причудливым петроглифам – фигурам Лихтенберга, так называемым цветам молнии. Даже спустя несколько дней, когда им давно пора было бы исчезнуть, до них по-прежнему слишком больно дотрагиваться. Десятки мелких ранок на пятках до сих пор кровоточат, как и парочка более крупных – круглых, как монетка, нежных на ощупь и достаточно глубоких, если провести пальцем.

Выключив свет в ванной и уставившись в темноте на себя голую, Энди готова поклясться, что сияет: «цветы молнии»

распускаются на коже и мрачно мерцают.

Теперь безоблачное небо ее пугает, а если по прогнозу обещают дождь – она в слезы. Боится, что сходит с ума.

Энди ищет в интернете истории других людей, выживших после удара молнии, гуглит синдром Лазаря – случаи, когда умершие вдруг неведомым образом воскресали, и продлевает просроченный рецепт на «Лювокс», чтобы унять расшалившиеся нервы.

Потом она начинает уголком глаза замечать эфемерные светящиеся точки – призраки, привидения, блуждающие огни... как ни назови. Постоянные спутники, от которых не отвяжешься, крошечные черные росчерки молний, которые никуда не исчезают.

Так проходит полгода. Отец Энди сбежал, когда ей было девять, а с мамой она давно не находила общего языка, поэтому легко отмахивалась от ее попыток поговорить. Впрочем, и мама объявлялась все реже. Быстро иссяк и поток щедрых подарков, и звонков от встревоженных друзей и знакомых, даже от Джойс Мадрас. И хотя администрация Дюпонской школы заботливо заверила Энди, что сохранит за ней место, когда бы та ни надумала вернуться к преподаванию, на самом деле мир спокойно живет дальше без нее, и она это прекрасно понимает.

О ней уже ходят байки, постепенно обрастая новыми подробностями, не имеющими ничего общего с реальностью, например с фигурами Лихтенберга на коже. Сочувствие пре-

вращается в жалость и горячий интерес, а факты – в вымысел, и в итоге Энди становится притчей во языцех, мифическим персонажем. Она уже и сама не может разобраться, чему верить.

Единственный человек, кто по-прежнему пытается ее поддержать, это Макс Конрой, хотя она и на его звонки не отвечает – до поры до времени. Однажды поздним вечером, когда на нее наваливается вселенская усталость, даже его голос приятнее шума в ушах, вспышек перед глазами и навязчивых мыслей. И наверное, она перед ним в неоплатном долгу. Он ведь спас ей жизнь.

Макс коротко и крайне неохотно описывает, что видел, когда в нее попал разряд и ее сердце остановилось. А еще рассказывает, как пылала ее кожа, когда он впервые до нее дотронулся: Макса и Энди даже окутало исходящее от нее облачко пара. Максу на мгновение подумалось, привиделось или вообще приснилось, что тело Энди едва заметно содрогнулось, словно последний небесный разряд, пройдя через нее, перекинулся и на самого Макса. Неведомая мистическая цепь замкнулась и изменила в нем что-то, соединила его с Энди, и теперь его сердце бьется ради нее. Он клянется, что именно это и дало ему силы, чтобы ее спасти.

Макс восхищается, какой красивой она была, лежа на траве в огненном ореоле. Словно пылающий ангел, упавший с небес. Макс не считает себя человеком религиозным, несколько не верит ни в бога, ни в какие другие высшие силы

и вдруг цитирует Библию:

– Вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег...³

Макс начинает называть ее своим сияющим ангелом. И хотя у них нет почти ничего общего, будь то любимые книги, фильмы, сериалы или музыка, политические убеждения, религия или искусство, и даже в возрасте у них ощутимая разница – все равно их теперь связывает прочная нить.

Жизнь Энди на какие-то минуты оказалась в его руках.

* * *

Ни Энди, ни Макс в Дюпонскую школу не возвращаются. Энди не может или не хочет оправиться от сентябрьской травмы, от реальных или надуманных последствий, с которыми до сих пор вынуждена мириться. Макс единственный не уговаривает и не давит, чтобы она вылезла из скорлупы, а Энди зачастую ощущает себя не прекрасным сияющим ангелом, а скорее жалким светлячком, попавшим в стеклянную банку. Жизнь превратилась в постоянное мелькание всего и вся, хотя Энди практически безвылазно сидит дома. Ей нужна серьезная медицинская помощь, но Макс твердит: то, что она перенесла и с чем имеет дело теперь, – настоящее чудо, переломный момент, какой неведом большинству людей. Они неспособны его оценить.

³ Евангелие от Матфея, глава 28, стих 3 (русский синодальный перевод).

Однако Энди со временем обнаруживает, что не одна такая: есть небольшие группы и сообщества людей, принявших как данность, что современная наука и медицина могут объяснить отнюдь не все. Поэтому они в итоге смирились со своей неспособностью просто выздороветь или жить дальше как ни в чем не бывало.

Сообщества выживших.

И хотя Максу не нравится, что на электронную почту Энди сыплются горы писем и что она вздумала встречаться с совершенно незнакомыми людьми, через год после случившегося она продает машину и квартиру и вместе с Максом – они уже живут как семья – уезжает из Вирджинии на его белом «Гранд Чероки».

Стоит им покинуть город, как байки об Энди, вернее о ней и Максе, начинают существовать отдельно от героев; впрочем, она чего-то подобного ожидала. Истории распространились быстрее сорняков, отрастили новые ветви, укоренились в сознании местных жителей, словно раскидистый дуб или те же фигуры Лихтенберга. Поговаривают, что на том месте, куда ударила молния, теперь выжженная земля, а в бывшей квартире Энди вечно сбоят часы и телевидение. Появился даже этакий обряд посвящения: на каждый Хэллоуин школьники наряжаются симпатичными учителями, в которых якобы попал разряд. Обрызгивают лаком волосы, чтобы торчали во все стороны, как у безумных ученых, а одежду подкрашивают черным и рвут в нужных местах. Ходят слухи, что

Энди и Макс пустились во все тяжкие, как Бонни и Клайд, или примкнули к какой-то секте, а то и основали свою собственную.

Именно поэтому Джойс Мадрас несказанно удивляется, когда через семь лет ей звонит Энди.

* * *

Звонок раздается как гром среди ясного неба: номер незнакомый, да и Джойс после переезда подруги успела сменить сим-карту.

И хотя голос за годы постарел и приобрел хрипотцу, Джойс моментально понимает, что это она, Энди.

Услышав давнюю подругу, которую привыкла считать веселой, жизнерадостной и бесстрашной, Джойс заплакала. Энди была душой компании, подпевала в баре новым песням, держа в одной руке только-только зажженную сигарету, а в другой – никогда не пустеющую бутылку пива. Еще тогда вокруг Энди светился ореол. Темные волосы небрежно уложены, макияж безупречен, на губах играет улыбка. Для детей Энди была любимой учительницей, для Джойс – лучшей подругой, и та, взяв трубку, ощутила сразу и радость, и горечь, и изумление, и боль.

Как будто призрак шепотом зовет тебя по имени.

У Джойс накопилось столько вопросов – целый миллион, но прежде всего она хочет извиниться, вымолить прощение.

За то, что не проявляла мудрости и понимания, что плохо поддерживала, что не уговорила Энди принять помощь. Что столько лет назад сделала слишком мало – меньше, чем нужно было. Что не показала себя по-настоящему хорошей подругой.

Энди тоже хочется извиниться: за то, как внезапно уехала, за то, что затруднялась многое объяснить, за страх, что никто не поверит и не поймет.

Но даже сейчас, после стольких лет, Джойс чувствует, что Энди далеко не со всеми желает и может делиться. Кто знает, вдруг та позвонила старой подруге, только чтобы услышать родной голос, повспоминать былое? И они говорят обо всем и ни о чем, в основном о прошлом, однако Энди всячески увиливает от рассказа о том, как жила последние семь лет. В итоге Джойс сама спрашивает о Максе Конрое.

Энди сообщает, что ушла от него и расстались они плохо: настолько плохо, что Макс время от времени ей докучает. Еще она признаётся, что им с Джойс рискованно вот так напрямую общаться, но добавляет, что если не поговорит с ней, то окажется в еще большей опасности, – тогда-то Джойс и понимает, что звонит Энди как раз из-за Макса. По крайней мере, та хочет предупредить подругу, чтобы не теряла бдительности, держала ухо востро и смотрела в оба.

– Потому что он будет искать, Джо-Джо. И вот сейчас, когда я наконец-то ушла, он придет за мной.

Энди говорит, что сохранять этот телефонный номер бес-

смысленно: завтра она его сменит. Джойс порывается спросить, что, черт возьми, происходит и, главное, почему ей надо бояться Макса Конроя, но в трубке вдруг раздаются помехи, щелчки и треск.

Электрическое шипение так нарастает, так зловеще рвется из динамика, что Джойс едва не роняет мобильный.

«О господи! – думает она. – Как будто та сентябрьская история повторяется...»

Молния...

Молния...

Несмотря на странные помехи, Джойс зовет Энди, кричит, умоляет, но внятного ответа не слышит, не может разобрать последние слова – или предостережения? – подруги... Зато улавливает или воображает на том конце провода чей-то другой голос, слабый, далекий и испуганный.

Голос... Такой же перепуганный, как и сама Джойс.

И хотя Джойс Мадрас никогда не узнает, что случилось на самом деле, и не пообщается больше с Энди Эллис, она готова поклясться, что тот второй, призрачный голос принадлежал ребенку, который все звал и звал, и звал:

– Мама!.. Мама!.. Мама!..

Плачет маленькая девочка.

А потом в трубке воцаряется мертвая тишина.

Часть первая

Облака

Глава 1

АХО, АРИЗОНА

Еще до восхода, когда на пустынном небе только-только забрезжил огонек рассвета, Энди отправилась в путь: за день ей предстояло преодолеть три сотни миль до Тусона. Теперь же она сидит в машине на дороге к старой шахте «Фелпс Додж» к востоку от Нью-Корнелии, глядя, как оставшаяся позади лента асфальта расплывается в послеполуденном мареве.

На небе ни облачка. Бескрайняя яркая голубизна.

Пустота.

Энди не всегда ездит в Тусон, иногда предпочитает Хила-Бенд. Туда и обратно выходит примерно девяносто миль – гораздо ближе, однако Хила-Бенд совсем маленький город, где невозможно затеряться в толпе и запутать следы: ты у всех на глазах. Ее друг Стивен время от времени мотается за покупками через южную границу, но даже спустя два го-

да, что Энди прячется в Нью-Корнелии, такое путешествие кажется ей опасным. Однажды он обмолвился, что, наверное, их маленькое своевольное племя уже давно очутилось по другую сторону южной границы, но в Нью-Корнелии никто и не потрудился свериться с картой – уж точно не Белла и не остальные члены общины, прожившие здесь больше десяти лет. Впрочем, никакие правоохранители по их душу и не приезжали. В этих краях солнце, горы и голая равнина так размывали горизонт, что все четкие линии – и тем более границы – исчезали.

Здесь, на самом краю Аризоны, где внимание притягивают горы Литтл-Ахо, национальный памятник Орган-Пайп-Кактус и индейская резервация Тохоно-О'одам, раскинулась пустыня Сонора – прекрасное место, чтобы спрятаться, потому что туда обычно никто не заглядывает.

Жители Нью-Корнелии почти перестали ездить в Тусон или Хила-Бенд; большинство не отваживается даже на куда менее долгое путешествие в резервацию или в Ахо. И неспроста: у индейцев магазинчиков почти нет, в лучшем случае – пыльное, едва держащееся на плаву казино возле заправки и дорожного указателя. В Ахо дела обстояли не сильно лучше: всех зданий – от силы два захудалых «Серкл Кей» и один большой продовольственный – «Олсенз Маркет». Есть еще бывшие служебные дома работников шахты, выкупленные переселенцами, сбегавшими на зиму в теплые края, и пенсионерами, покидающими Калифорнию из-за вы-

соких цен и налогов. Но некоторые члены общины даже в столь малолюдные места наведываться не желают, а потому приплачивают Энди, чтобы ездила в город за вещами, которые больше нигде не купишь и не закажешь. Этих денег ей хватает, чтобы жить в Нью-Корнелии и понемногу откладывать на черный день.

Как ни странно, в Ахо стекаются туристы, творческие люди, которых притягивает дикая, суровая красота и уникальная история пустыни. На руинах старой школы возвели местную достопримечательность – отель с конференц-залом. Осматривают и заброшенный медный карьер, благодаря которому город когда-то появился.

Коренные народы сотни лет добывали в окружающих Ахо низкогорьях гематит, а потом туда явились конкистадоры. Медь начали переправлять через пустыню на запряженных быками повозках, грузить в Сан-Диего на пароходы и перевозить аж в Уэльс. Месторождения разрабатывались всевозможными способами почти беспрерывно – с переменным успехом и целыми десятилетиями, поэтому в карьере до сих пор видны страшные следы бесчисленных раскопок, разбитых надежд и мечтаний. Теперь от них остались лишь дороги в никуда, обломки камней и ржавеющие кирки.

Открытое хвостохранилище⁴ напоминает рваную рану больше мили длиной и тысячу с лишним футов глубиной,

⁴ Искусственная яма, куда сбрасываются отработанные материалы горнодобывающей промышленности.

заполненную ярко-голубой хлоридной водой. Энди яма кажется огромным внимательным глазом, глядящим на нее из пропасти.

Наблюдает, оценивает, выжидает.

Когда шахту закрыли, а почти всю землю и оборудование перепродали, здесь обосновалась компания, занимающаяся солнечной энергией, и установила по краям раскопа фотоэлектрические панели – двадцать одну тысячу. Их прекрасно видно из небольшого трейлера Энди и Руби, и, хотя темные щиты притягивают свет, а не отражают, Энди нравится фантазировать, как она по блестящему черному экрану следит за проходящим по небу солнцем.

Только вот панели не отгоняют дождь: даже в сухой Сонорской пустыне порой случаются сильные бури. Поэтому Энди карабином прицепила к поясу ярко-желтый детектор «Страйк Алерт», предупреждающий о скорой грозе, и купила другой, покрупнее, чтобы держать в трейлере. Впрочем, ее успокаивает мысль, что солнечная энергия и тепло хранятся совсем близко и надежно и их будто можно ухватить рукой. Все равно что сжимать в кулаке дневной свет или лето.

Энди смотрит на телефоне время: Белла уже заждалась. После поездки в город идти к ней – это целое приключение, долгое, тяжелое и неприятное для обеих. Но Белла терпит ради печенья «Бискофф», которое Энди привезла в сумке-холодильнике на заднем сиденье.

А Энди терпит, потому что больше никому не доверяет приглядывать за Руби.

Энди снова смотрит на экран мобильного, а затем – на треснутые часы на приборной панели, настроенные на центральное время. Что телефон-однодневка, что бортовой компьютер показывают разные цифры, неправильные, и разница составляет больше часа. Однако Энди давно привыкла быстро прикидывать все в уме. Она простояла на парковке добрых двадцать минут – до первого трейлера из Нью-Корнелии еще столько же, но на дороге пока никого.

Вокруг пустыня с низкорослыми кустарниками и кактусами, поэтому обзор открывается отличный.

Кондиционер в стареньком «Форде Ф–150» отказал еще в прошлом году, и стекла пришлось опустить; в салон едва уловимо задувает сквозняк. Хотя толку от слабого ветерка мало, Энди все равно довольна. Она привыкла к местной жаре, даже по-своему любит и ее, и природу – идеально чистое голубое небо, которое время от времени перерезает кружащий стервятник. В Ахо за год выпадает около восьми дюймов дождя, а остальные триста дней светит солнце. Летом столбик термометра поднимается выше сотни по Фаренгейту⁵, и стоит такой жестокий зной, что выжигает из воздуха всякую влагу, превращает капли пота в соль и иссушает слезы еще до того, как они выкатятся из глаз.

Все вокруг раскаляется так, словно твои легкие и сердце

⁵ Почти +40 °С.

сдавливает огромная огненная лапища.

Уэйлен любит мрачно шутить, что в духовке тоже сухой жар, но туда никто не переселяется. Жаловаться-то Уэйлен жалуется, однако никуда не переезжает. Белла и Стивен, Эрвин и Лия – тоже. И все остальные. Включая Энди. В основном в Нью-Корнелию приезжают те, кому больше некуда податься.

Энди поигрывает висящим на шее кулоном – неровным перламутровым камнем, в глубине которого поблескивает зеленоватая искра.

Она и сама понимает, что невозможно спастись от всех гроз, укрыться от любого облачка. Но пытается – даже сбегала на край света, в самое захолустье, – и ей вроде бы удалось.

С облегчением убедившись, что на дороге никого нет, Энди убирает с колен под сиденье тяжелый заряженный «смит-вессон» и направляется домой.

Глава 2

НЬЮ-КОРНЕЛИЯ, АРИЗОНА

Из брезента, пергаментной бумаги и трех пятигалонных ведер (в двух была жесткая вода и еще в одном – перекись) Белла соорудила что-то вроде летнего душа. На деревяшке от старого икеевского комода лежит мыло из рапсового масла, почти закончившийся дезодорант без алюминия и стопка старой одежды Беллы.

Она боится отдушек (и много чего еще), да и вообще запахов от одежды и даже кожи, не любит ароматизированные шампуни, гели и лосьоны. Все то, чем Энди последние месяцы не пользуется и о чем даже не думает. Ей не страшно раздеться догола, оставив только кулон на шее – с ним она не расстается, – и она спокойно снимает одну вещь за другой, обнажая многострадальное тело перед палящим пустынным солнцем и жаром. Пялиться на нее особо никому.

Энди перестала ненавидеть собственное тело. Она больше не корит себя за раны – и физические, и эмоциональные, которые до сих пор не прошли, не ругает за ощущение пустоты и за напряжение, как у натянутой гитарной струны, чертовой стальной проволоки. Теперь кожа Энди покрыта бронзовым, почти темно-красным загаром.

По возвращении из города Энди нужно лишь пройти по требованию Беллы процедуру обеззараживания. Подруга поставила самой себе диагноз: неврастения, слабонервность и неприятие новизны. Вдобавок у Беллы еще и аллергия на все и всех, кроме любимой Нью-Корнелии и пустыни.

И, пожалуй, кроме печенья «Бискофф» – горько-сладкого напоминания о давно ушедшем или просто вкуса той жизни, которую Белла вела до побега сюда.

Она мало говорит, как жила до Нью-Корнелии, и возможно, ее и зовут как-то по-другому. Но Белла красивая, даже очень, и с этим никто бы не поспорил: у нее пронзительные зеленые глаза и пушистые, растрепанные на ветру седые волосы.

Если у Энди загар бронзовый, то у Беллы – золотистый. Годы, проведенные среди солнца и песка, очистили ее от шелухи, обнажив самое важное, настоящее, без привкуса наигранного и искусственного. Кем бы она ни была до Нью-Корнелии, той девушки уже нет – остались лишь зеленые глаза, некрашенные серебряные волосы и теплый хриплый смех.

Она насквозь больная, иногда по утрам настолько бледная, что кажется почти прозрачной, настолько слабая, что не может встать – и такое повторяется все чаще, но при этом обладает поистине звериным чутьем. Белла говорит, что до сих пор улавливает запах дыма от старой заброшенной шахты, предсказывает далекий дождь в пустыне, который прольется через два дня, и слышит жужжание приборов Уэйле-

на, например проклятой электрической зубной щетки, аж за две мили.

Энди плевать и на прошлое Беллы, и на ее чудачества. Та может сколько угодно бояться мира, простирающегося за пределами Нью-Корнелии, — мира современных удобств и комфорта, огней и электричества, пластика и металла, глютена и глутамата натрия, врачей, диагнозов, больниц, — но с Руби она терпеливая, добрая и ласковая и готова сидеть с ней, пока Энди ездит в город.

Энди ей сочувствует. В конце концов, Белла не так уж и неправа. Мир — действительно дьявольски опасное место.

Энди заканчивает «обеззараживание» и проверяет, хорошо ли обработала перекисью набитую печеньем сумку-холодильник. Надевает вещи Беллы: старую футболку, которая настолько вытерлась, что просвечивала, словно дымка, и непонятно, как вообще держалась. Приехав в Нью-Корнелию, Энди бы в нее не влезла, но теперь футболка пузырилась на легком ветерке, как парус, и грозила унести Энди ввысь.

Надо же, хотим мы того или нет, это место нас меняет.

Она берет печенье и идет к крыльцу, где ее ждут Белла и Руби.

* * *

Если Белла понятная и прозрачная, как стекло, то се-

милетняя Руби – матрешка, в которой живет бесчисленное множество маленьких сказочных принцесс, причудливых, разрисованных, покрытых глазурью, – одна загадочнее и непостижимее другой.

Стоит тебе обрадоваться, что разгадал ее, как на дне бледно-голубых глаз появляется новый образ.

Энди обожает свою малышку, но совсем не понимает ее. Вот нисколько. Более непохожих внешне и по характеру людей невозможно представить. Энди списывает некоторые, вернее, почти все различия на кочевой образ жизни, который выбрала для себя и навязала дочке, и на собственные страхи и неудачи. Однако на самом деле Руби всегда была и, наверное, останется загадкой. Пазлом, в котором одновременно и слишком много, и слишком мало деталей.

Есть и еще две важные вещи. Первая: Руби хранит тайну, хотя мать отчаянно пытается это отрицать. И вторая – Энди по-прежнему не желает кое в чем себе признаваться. А вот гораздо более чуткая Белла, похоже, увидела все с самого начала, но так и не озвучила...

Горькая правда состояла в том, что Энди не хотела становиться матерью. А теперь с ней живет, дышит красавица-дочка – болезненное напоминание о прошлой жизни, такое же мощное и судьбоносное, как ударившая в Энди молния.

Материнская любовь Энди – это тоже матрешка: нечто многослойное, открывающее все новые и новые чувства,

рвущиеся из самой глубины сердца.

Толком и не взглянув на мать, Руби проносится мимо – к автомобилю, полному других привезенных из города сокровищ. Энди провожает ее взглядом и качает головой.

– Опять собака, – хмыкает Белла.

– Да нет там собаки.

– Я знаю, – смеется она. – Ты знаешь. А она – нет. В этом и прелесть детства, когда ты еще совсем маленький...

– В чем прелесть? В постоянных разочарованиях?

– В предвкушении, *mija*⁶. В надежде, – снова улыбается Белла, мягко, смиренно. Она ждет, пока Энди достанет из холодильника тяжеленные коробки с печеньем и передаст их ей. Сама Белла к пластиковой сумке прикоснуться не хочет, пусть Энди и отмыла ее перекисю. – Ты ведь тоже была ребенком. – Белла устраивается на деревянном крыльце и начинает медленно и аккуратно разворачивать сладости. На ней бутылочно-зеленая юбка, стилизованная под сари, и футболка с турне рок-группы *Fleetwood Mac* в 2009 году. – И я тебе гарантирую, скоро у нас появится собака. Непременно.

– Ты хочешь, чтобы, пока меня нет, с Руби сидела собака?

Белла задумчиво жует печенье и протягивает Энди еще одно.

– Я правда считаю, что животные гораздо лучше людей. Веришь, у меня когда-то была колли? Прямо как в мультике.

⁶ Моя дочь (исп.).

Такая симпатяга... Назвали Стиви, чтобы у нас была своя мисс Никс⁷. – Белла оттягивает на груди футболку. – Но не судьба. У меня теперь аллергия, и от шерсти я не могу дышать. Да и тяжело здесь собакам. Слишком жарко, слишком много кактусов, слишком много змей и скорпионов. – Белла машет рукой на дикий пейзаж, обрамленный горами. – Повсюду овраги и ущелья. Помнишь Джоанну и Дрю Барбур?

Энди познакомилась с ними, когда только-только приехала сюда с Руби в нагруженном вещами авто. Пара оказалась на несколько лет младше. Он увлекался то ли технологиями, то ли финансами, у него были огромные умные карие глаза, обычно грустные или просто опущенные вниз, когда Дрю хмурился. А его спутница страдала и от фибромиалгии, и от анемии, и от аксиального спондилоартрита, и от электромагнитной сверхчувствительности; и в доме, и на улице всегда носила большие солнечные очки. Парочка где-то вычитала про Нью-Корнелию, и Джоанна настояла, чтобы они переселились из Сиэтла в пустыню. Дрю, наоборот, здесь не нравилось: он скучал по зеленым деревьям, прохладной погоде и дождю, по друзьям и той жизни, которую выстраивал до Нью-Корнелии. Они вечно ссорились. Через три-четыре недели после приезда Энди – и через десять месяцев после своего собственного – они вдруг вскочили рано утром, наскоро собрались и были таковы, бросив небольшой участок земли и дорогуший трейлер.

⁷ Стиви Никс – американская певица и автор песен, работала с Fleetwood Mac.

Люди нередко спонтанно отсюда сбегали. Нью-Корнелия никого не щадила.

– У них было две собаки, – продолжает Белла. – Маленькие, по-моему, таксы. Я точно помню, что Джо их любила сильнее, чем своего мужика. Правда, и он под конец к ней охладел. Он ведь с самого начала ненавидел Нью-Корнелию.

Она закрывает глаза, смакуя печенье.

– А мне здесь нравится, – пожимает плечами Энди.

– Конечно, ты ведь обустройстваешь жизнь, работаешь. А вот Руби... Она просто теряет время. – Белла прищуривается, разглядывая что-то на горизонте, там, где небо встречается с кактусами. – Дрю никогда Джо не верил, ну честно. Считал, что все ее болезни... надуманные. Сомневался, что она на самом деле хилая. Так сильно любил ее, что отправился с ней в Нью-Корнелию, а в итоге вспылал таким отвращением, что дал деру. – Белла тянется за новыми и новыми печеньями. – В общем, тебе придется купить девочке собаку, и тогда вы отсюда уедете. Ты ведь не можешь вечно держать дочку здесь, иначе она тебя возненавидит. Она особенная, красивая, понимаешь, Энди? С этим не поспоришь. Ей здесь очень одиноко... мы-то все не от мира сего.

– Да брось, – смеется Энди. – Ты абсолютно нормальная.

– Расскажи это Дрю Барбуру.

Энди не удосуживается даже кивнуть: Руби наконец убедилась, что в машине нет никакой собаки с красным бантом на шее, и теперь отрешенно копошится среди других поку-

пок. Ирландское спиртное и американское пиво для Уэйлена. Книжки и журналы по садоводству – для Стива. Новая посуда – для Тэбби. Для Эрвина и Лии – бакалея: все по длинному и очень подробному списку, который Лия тщательно составила и вывела невероятно красивым почерком.

До Энди и Беллы вдруг доносится восторженный возглас: Руби наконец находит два подарочка и для себя – книжку Джулии Куо «Светящиеся в ночи существа» с флуоресцирующими картинками и здоровую пачку *M&M's* с арахисом.

Смех Руби – сам по себе отдельное существо, энергичное, яркое. Живое. Совсем мимолетное – Энди редко его слышит. Она стрижет Руби очень коротко – так за волосами легче ухаживать – и одевает ее в мальчишеские вещи из секонд-хендов. У Энди есть на то миллион причин и объяснений, но порой она не узнает собственную дочь, не понимает, в кого та превращается. Маленькая девочка живет как беглая преступница, хотя и не сделала ничего плохого.

Белла права: Руби здесь не место. Она теряет время зря, отбывает незаслуженное наказание. И если такое существование приемлемо для Энди, то для Руби – нет. Больше так жить нельзя.

– А у тебя как дела? – спрашивает Энди.

– Ой, потом мне аукнется... – Белла по глазам собеседницы понимает, что та будет извиняться, и отмахивается. – Нет, ты тут ни при чем. Просто мне все сложнее и сложнее отгораживаться от мира. Он... наступает, его слишком мно-

го. Но я люблю проводить время с Руби – это того стоит. С тобой мне тоже нравится, к тому же ты привозишь вкусные печеньки. – Белла неохотно сворачивает пакет. – Да и другим нужно, чтобы ты ездила в город. Я переживу.

Пережить-то она переживет, но остаток дня проведет на потрепанном диване в трейлере, свернувшись в позу зародыша, дрожа и корчась в приступах рвоты. Голову пронзит такая боль, будто в череп вкручивают винты, отчего даже дышать тяжело: тошнит. Тонкие стены начнут сжиматься, тело все покроется потом, будет бросать то в жар, то в холод, в ушах зашумит. Вот так Белла и переживет. Энди видела ее и в совсем плохие времена, когда дела обстояли и вправду хуже. Поэтому Энди надеется, что общение с Руби и печенье – достойная плата за такие страдания.

– Будет дождь, – говорит Белла, встает, потягивается и принимается к ветерку.

Энди смотрит в ярко-голубое безоблачное небо, гладкое, как шелк.

– Запах земли, петрикор называется. Возникает, когда озон соединяется с эфирными маслами и той штукой, геосмином, – в общем, во время дождя. Молния насыщает воздух озоном, а капли несут его к земле.

– Ты это знаешь, потому что... – Белла едва заметно показывает на голые руки Энди, покрытые шрамами.

– Именно. – Энди тоже поднимается и свистит Руби, мол, я иду. – Каждая капелька дождя – это крохотная гроза. В них

всех есть искра от молнии.

– Красиво. Но я чую дождь задолго до того, как он выпадает, *mija*. Задолго до грозы.

Энди нравится, как Белла ласково зовет ее *mija* – «дочь моя», – и не находит в себе сил признаться, что тоже ощущает запах урагана. Он еще за горами, в нескольких милях, и его пока не видно, однако иссушенная зноем земля уже раскрывает пыльные объятия для влажного воздуха и выпускает в небо облачко метаболитов актинобактерий⁸. Сильный ветер далеко-далеко разносит этот терпкий горький аромат. Каждый день и каждую минуту где-то в мире идет дождь. А где-то даже гроза.

Энди обнимает Беллу. Та отвечает, и в ее тонких руках чувствуется неожиданная сила. Энди тянет подругу за футболку.

– Слушай, а ты правда общалась со Стиви Никс?

Белла только с улыбкой подмигивает, насвистывая знакомую, как запах дождя, песенку, и удаляется в трейлер.

⁸ Это и есть геосмин, о котором говорится выше.

Глава 3

ЛОРМАН, МИССИСИПИ

Линнея Рен ненавидит дождь, а сейчас такой мощный ливень, будто на небе прорвало трубы.

Дождь упрямо хлестал, когда она уезжала с Адамом Рио из Нью-Йорка в Шарлотт, потом в Атланту, а затем и в Нашвилл, где след оборвался и им пришлось два дня сидеть на месте, пока напарник кому-то звонил, задействовал связи, творил чудеса, – и дальше в путь.

А все потому, что Эбби Уолден хотела стать певицей. Хотела стать звездой.

Уильям Уолден в течение многих лет записывал, как дочь поет, и Линнея послушала эти треки: Эбби бесспорно обладала талантом и дала бы фору любому завсегдатаю караоке. На ранних кассетах у нее был нежный звонкий голос, немного робкий и искренний; затем в нем появилась грустинка. На звезду кантри-музыки Эбби не тянула, но не говорить же такое в лицо девятнадцатилетней мечтательнице? Вот и сенатор Уолден отмалчивался: слишком много лет ушло на уроки вокала и гитары, на слезы и истерики, на мелкие неудачи и откровенные провалы.

Для такой молоденькой девушки – целая жизнь.

Линнее и Рио следовало бы прямо с Нашвилла и начать, хотя об этом они еще сто раз поспорят. Возможно, она сама станет спорить, даже злиться и повышать голос – Линнея уже научилась лучше себя контролировать, но до титанического спокойствия ей безнадежно далеко, – а Рио будет лишь молча кивать в такт, пока она не пробушует и не затихнет, как летняя гроза. Природа так устроена.

Однако нынешний библейский шторм и не собирался стихать: он преследовал их всю дорогу, с неба хлестал настоящий водопад, отчего Миссисипи вышла из берегов, затопила дома и шоссе и лишила Восточное побережье электричества.

Черт, как же Линнея ненавидит дождь – и то, что он порой обнажает.

* * *

Она отрывается от игры на телефоне и видит, как Рио подзывает ее жестом.

Напарник стоит под навесом морга округа Джефферсон и, докуривая сигарету, разговаривает с местным коронером Джерри Ли. Насколько Линнея знает, Адан Рио вообще-то никогда не дымил, а сегодня вдруг превратился в заядлого курильщика; завтра он наденет уже новую маску. Рио хамелеон: неплохо говорит на трех языках, а то и больше, но куда лучше ему удастся считывать людей и узнавать о них уйму информации – нужно лишь расположить их к себе. Он не

играет роль, не прикидывается, никому не подражает; у него удивительный природный дар быть простым, настоящим и искренним, без налета фальши. Рио уже двадцать минут стоит на крыльце, общается с коронером и курит так, будто много лет не выпускает сигарету из рта. Мужчины прячутся от ливня под неуместно веселеньким полосатым навесом морга, и Адан терпеливо объясняет, что они с Линнеей – бывший федеральный агент и экс-полицейский, переквалифицировавшиеся в частных сыщиков. Рассказывает, что привело их из Нью-Йорка аж сюда, в Лорман, штат Миссисипи.

Говорит, кого они ищут и зачем.

Тактика сработала: пусть они и не представители власти, а их лицензии частных детективов не дают как следует развернуться в правовом поле, Джерри Ли все равно согласен им помочь, хотя и сильно рискует, раскрывая конфиденциальную информацию.

Не то чтобы Линнея не умеет произвести приятное впечатление... Просто в паре с Рио она полагается на другие навыки и таланты – или же так было раньше.

Линнея открывает дверь «Эксплорера», оказываясь лицом к лицу с ледяным дождем, и подглядывает, как Рио бросает последний окурок на сырой тротуар, придавливает ботинком, а затем поднимает и его, и все остальные и убирает их в карман куртки.

Хмуро качает головой, и Линнея догадывается, какой цели напарники добились, а какой – нет.

Через две недели и почти две тысячи миль они наконец отыскали Эбби Уолден.

* * *

Несмотря на все что с ней случилось, она красива даже по прошествии нескольких дней.

Рост выше среднего, если измерять от голых шершавых пяток до макушки. Светлые волосы до плеч. Кожа в веснушках и с побледневшим летним загаром выглядит живой и сияющей даже в безжалостном свете прожекторских ламп.

Эбби нашли лежащей лицом вверх и с открытыми глазами – теперь веки мирно опущены.

Линнея не теряет времени даром и аккуратно пролистывает и напечатанный отчет коронера, и рукописные заметки. Хотя Джерри Ли кое-что опустил, где-то схалтурил, да и вообще работал наспех, с его выводами невозможно не согласиться – их Линнея и перескажет сенатору Уолдену, когда придет время.

Она тихонько и ловко делает жуткие фото – без лишних эмоций и без особого почтения к мертвой.

Линнея не черствая, нет. Когда-то ее считали вспыльчивым, взрывным человеком, и даже было время, когда подобная сцена встряхнула бы в ней целый калейдоскоп... взрывных эмоций. Но с тех пор много воды утекло. После того как Рио спас ее из амбара в Ратер-Глене, она провела долгие ти-

хия месяцы в медцентре Лэнгон при Нью-Йоркском университете, потом в больнице Грейси-Сквер, а затем вернулась к работе, уже обретя новый навык: прятать эмоции в дальний угол, а внешне оставаться совершенно невозмутимой – этаким человеком в футляре.

Как однажды сказал ее отец-моряк, ею теперь можно гвозди забивать. У Линнеи появился талант, волшебный трюк в духе Адана Рио – умение так ловко раскладывать все по полочкам, чтобы окружающие видели только то, что им показывают.

При виде жестоко убитой и брошенной Эбби Уолден Линнея вскипает от бешенства. Вечером она залезет под душ в отеле, открутит горячий кран на максимум и будет стоять под обжигающими струями в попытках заплакать (не получится) и притупить вечно ноющую боль от ран и шрамов, которая никогда не проходит. Однако в моменты пронзительной искренности, как сейчас, Линнея уже может сдерживать нарастающие внутри гнев и ярость, укрощать их, сосредоточивать в луч и направлять на нужную цель. Ее злость теперь не бомба, которая сносит все вокруг, а лазер.

Почти всегда.

Тем не менее ей тяжело не содрогаться и не охать при виде следов на руках Эбби. От кончиков пальцев к запястью, а затем – к локтю поднимаются тонкие ветвящиеся линии, похожие на ожоги. Линнея не сразу догадывается, что этот узор повторяет подкожную капиллярную сетку, как будто кровь

загорелась безжалостным пламенем прямо внутри. Линнея не знает, какая патофизиология здесь сработала, не может объяснить, откуда взялись такие следы и почему до сих пор не исчезли, ведь из Эбби Уолден слили всю кровь. Полностью.

– Я знаю, – говорит Джерри Ли, заметив, что Линнея навела объектив айфона на руки Эбби и снимает их крупным планом. – Вернее, лучше сказать, что не знаю.

Джерри Ли – коренастый смуглый мужчина с маленькими темными глазками и длинными волнистыми, неестественно светлыми волосами; такие нелепые прически давно никто не носит. Он похож на безнадежно стареющего гитариста из южной рок-группы. Линнея знает, что у него нет медицинского образования, а до назначения на пост окружного коронера он двадцать лет заведовал похоронным бюро. Джерри и теперь продолжает там подрабатывать, когда в морге Миссисипи не так много мертвых тел, которые нужно исследовать. На патологоанатома или судебного медика Джерри даже для галочки не учился, но, как и Линнея, на трупы насмотрелся достаточно. Пожалуй, слишком насмотрелся.

– Не знаю, откуда у девочки такие отметины, и не знаю, как они называются. – Он осекается, пожимает плечами и смотрит на свои собственные мясистые, покрытые мозолями ладони. – Пока вы сюда не приехали, я понятия не имел, как ее звать.

– Посмертные? – спрашивает Рио из угла, где до сих пор

молча стоял, скрестив руки на груди так, чтобы куртка «Кархартт» скрывала татуировки, которые у него до самых запястий.

У Эбби Уолден тоже есть наколки. На плече – бабочка с гигантскими крыльями, на левом бедре – крошечный улыбающийся череп, а на правом – единорог в ковбойской шляпе, вставший на дыбы.

Линнея осторожно оттягивает нижнюю губу Эбби – там обнаруживается надпись «слабó?».

Отец девушки объяснил, что она набила это незадолго до побега из дома и даже не пыталась скрывать.

Джерри Ли переводит взгляд с Рио на Линнею и обратно, гадая, к кому обращен вопрос.

– Ну, что ж, мне кажется, она так прогорела, когда умерла. Ее сюда привезли, подозревая передоз. Хотя на передоз не похоже.

Однозначно не он, думает Линнея.

– Там, где ее нашли, ничего не горело, – уточняет коронер. – По крайней мере, я ничего такого не увидел ни на месте, ни в полицейском отчете.

Эбби нашли неделю назад примерно в сорока милях отсюда, в зоне отдыха Норт-Фолк-Коул-Крик. Линнея и Рио тогда были еще в Нашвилле – бежали по ускользающему следу девушки.

И вот сейчас Линнея не может отвести глаз от пугающе красивых, нереальных узоров – тоже своего рода татуировок,

запечатлевших один-единственный жуткий момент, как на старых фотографиях. Она не в силах представить, сколько жара, энергии и давления понадобилось, чтобы так изрисовать кожу Эбби.

Зато представляет, что эти линии ей напоминают – давно знакомые образы и картины, которые, похоже, останутся у нее в голове до конца жизни. Линнея и сама была героиней таких сюжетов.

– Следы борьбы, – говорит она, убирает айфон и накрывает Эбби простыней. – Она получила эти раны в борьбе с убийцей.

* * *

Через десять минут они с Рио сидят в прокатном «Эксплорере» и смотрят, как Джерри Ли под дождем закрывает морг. В зубах у коронера зажата очередная сигарета.

– Ты ему приплачиваешь? – интересуется Линнея.

Сенатор Уолден отошел от дел, растерял бывшее влияние, тем не менее остался при больших деньгах. И велел своим сыщикам найти дочь любой ценой.

– Да, и щедро. – От Рио разит табачным дымом. Дым облаком окружает Адана, повисает между ними. – Как в отель приедем, вечером позвоню Уолдену.

– Подожди лучше до завтра. Мне надо привести мысли в порядок. Тогда и наберем. Вместе.

Рио кивает. Когда нужно, он может быть очаровательным, общительным и теплым, но это нетипичная для него температура. Обычно он градуса на три холоднее: стоит им остаться вдвоем, наедине, как в нем проявляется настоящий тихий интроверт. Однажды Адан признался: с ней он может быть собой, ведь в ее обществе ему спокойно и комфортно, она нормально воспринимает молчание и не пытается его нарушить. Впрочем, Линнея всегда говорила за них обоих. Рио любит сдерживать эмоции, а Линнея – выплескивать их, выливать на него, причем постоянно. Он – пассивность, она – движение, она постоянно в движении. Даже сейчас, несмотря на лекарства, заглушающие множество навязчивых образов и голосов, ей нравится чем-то занимать руки: она вечно что-то вертит, играет с ручкой. Мозг ей тоже надо загружать, чтобы не заикливаться на чем-нибудь и не накручивать себя.

– Хочешь обсудить?

Она давно гадала, когда он предложит обдумать вероятную цепочку событий, из-за которой Эбби сейчас лежит под простыней на прозекторском столе в морге.

– Не очень, – коротко отвечает Линнея. Вдыхает, аккуратно массирует веки, виски – неосознанный жест и нехорошая новая привычка, от которой никак не избавишься. – Ну да ладно. Что ты думаешь насчет тех отметин?

Рио вглядывается темными глазами в дождь и наконец выдает:

– Мировое дерево.

– А что это?

– Иггдрасиль. Мировое дерево. Из скандинавской мифологии или космологии. Что-то вроде символа. Огромное священное дерево, которое соединяет, ну... все, – пожимает плечами он. – Других ассоциаций у меня нет.

Символ. Тотем. Послание.

– И откуда ты столько всего знаешь? – качает головой Линнея.

На губах Адана появляется привычная неуловимая улыбка.

– Я читаю. Много читаю. – Рио что-то ищет в смартфоне, отправляет ей, и ее мобильный вскоре тихонько дзинькает. У напарников по два телефона: один – для всех, другой – личный, только для них. Такая система принята в ФБР, и они, уйдя оттуда, не захотели ее менять, даже пока Линнея лежала в больнице. Даже пока они не знали, вернется ли она к работе. – Прислал тебе кое-какую инфу.

– Потом посмотрю, – отмахивается Линнея. – Мне нужно в душ. Мне нужно выпить. Мне нужно позвонить Дэну и детям.

Рио убирает мобильный. Вроде хочет что-то сказать, затем передумывает и меняет тему.

– Тогда здесь мы закончили. – Никаких вопросительных интонаций.

– Мы нашли, что искали. – Линнея заводит «Экспло-

пер». – Пора домой.

Глава 4

НЬЮ-КОРНЕЛИЯ, АРИЗОНА

– В магазине не было всего, что ты просил, но, надеюсь, тебе пока и этого хватит, – говорит Энди Стивену, вручая ему стопку книг и журналов по садоводству, купленных в Тусоне. Смотрит, как он водружает их на стол возле трейлера и раскладывает, словно пасьянс.

После того как в Стивена Чао ударила молния, мир для него стал лишь картинкой из цветных линий.

Однажды Стивен поведал Энди: у него такое ощущение, будто он видит все через странную плотную голограмму, словно жизнь превратилась в виртуальный конструктор. Стивен никогда не интересовался математикой или компьютерами, разве что видеоиграми. А потом молния пробила дырку в его левом глазу, и мужчину на два месяца погрузили в искусственную кому. Очнулся он с перепрошитым мозгом, способным членить действительность только на геометрические фигуры и сложные формулы.

Сначала Стивен взялся доказывать гипотезы Римана и Коллатца⁹. Теория музыки тоже подчиняется математиче-

⁹ Нерешенные проблемы математики. Гипотеза Римана строится на распределении простых чисел. Задача Коллатца предполагает, что если провести опреде-

ским законам, и он вдруг обнаружил, что умеет играть на фортепиано: развитая благодаря компьютерным играм координация пригодилась, когда он нажимал на черные и белые клавиши «Стейнвея». На какое-то время у него еще развилась графемно-цветовая синестезия: при взгляде на некоторые числа Стивен видел цвета. Четверка была зеленой, семерка – фиолетовой. Светящиеся линии и цифры, загадочная музыка, математика в голове... Он жил словно в яркой видеоигре, навечно запертый в виртуальной реальности.

Потрясенные доктора сначала в Чикаго, а потом в Нью-Йорке называли это синдромом саванта, чудом, одним из самых невероятных, потрясающих случаев в науке, может, даже уникальным явлением, которое не видел и не изучал никто нигде и никогда.

Стивен признавался, что живет в аду.

– Круто, очень круто, – бормочет он, листая одну из книг, где со страниц на него смотрят всевозможные яркие растения.

– Ты правда думаешь, что такая флора здесь приживется? – Энди смотрит в томик через плечо друга.

Здесь – это не только в Нью-Корнелии, но и во втором трейлере Стивена, который тот за последние несколько месяцев превратил в тропическую оранжерею. Последняя идея фикс – выращивать хищные растения. Она скоро пройдет:

ленные арифметические операции с натуральными числами, результат получается цикличным.

Стивен меняет увлечения как перчатки – это побочный эффект, сказавшийся на мозге, который после удара молнии, едва не убившего хозяина, переродился и зажил собственной жизнью. Случилось что-то вроде короткого замыкания в электрощитке: разряд выбил сотни предохранителей и включил тысячи других, о существовании которых никто и не слышал. Впрочем, Энди прочувствовала такое на собственной шкуре.

У них со Стивеном есть точки соприкосновения, каких нет больше ни у кого, дружба, зародившаяся задолго до Нью-Корнелии, – в другое время, в другом месте, далеко отсюда. В Техасе. В клубе «Черный свет».

– Легко уж точно не будет. Хотя у меня получается, – мотает головой Стивен, когда она с сомнением поднимает бровь и косится в окно на другой загадочный трейлер. – И нет, я пока не готов показывать. Но покажу. Скоро. Очень скоро.

– Кстати, о скором, – улыбается Энди, привыкшая к его торжественным презентациям, – я уже заходила к Эрвину и Лии, и они собираются устроить междусобойчик. Придешь?

– Конечно. – Он убирает со стола новые книги и журналы, чтобы освободить место. – Как съездила?

– Как всегда, хорошо, тихо, – немногословно отвечает она – да и зачем вдаваться в детали? Стивен и так все понимает. – Надо бежать. Руби сейчас в машине, торопится быстрее съесть *M&M's*, пока не растаяли, и листает книжку, ко-

торую ты посоветовал.

В той книжке с картинками рассказывается о биолюминесценции – природном свечении живых организмов: светлячков, глубоководных рыб, кальмаров и даже грибов. Некоторые члены техасского клуба клялись, что тоже мерцают. Молния, которая чуть не убила их, не только оставила шрамы на коже, но и вселила в них негасимый свет, вечный блеск, окутала черным фосфоресцирующим ореолом, невидимым чужому глазу, как и магнитное поле, появившееся вокруг пострадавших.

Энди однажды сама с этим столкнулась, а потому верила, хотя и не так истово, как раньше.

Как-то раз Стивен пять дней кряду просидел в темной комнате в поисках волшебного света.

– Я знал, что ей понравится, – кивает Стивен.

– Белла сказала, скоро пойдет дождь. Это ведь хорошо для твоих растений?

– Может, и так, – говорит он. У него на улице стоят пять 55-галлонных бочек, а в оранжерею от вестингхаусовского пропанового генератора на двенадцать тысяч ватт проведен свет и система автоматического полива. У Энди же есть маленькая солнечная батарея, позволяющая заряжать то и дело умирающие телефоны и детекторы молнии. Даже простенький сотовый Руби, купленный только для экстренных вызовов, не может продержаться дольше пяти часов. – В воде, которую нам доставляют из Хила-Бенда, полно химикатов,

солей и всего в таком духе. Приходится ее кипятить. А дождевая часто с кислотами, бактериями и прочим, так что тоже не вариант. Моим растениям нужна особая тепличная среда, поэтому сгодится либо дистиллированная, либо вода обратного осмоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.